Неблагоразумный Виктор Некрасов

К 80-летию трагедии Бабьего Яра

Виктор Платонович Некрасов на митинге в Бабьем Яре, 24.09.1966

Однажды мама Виктора Некрасова сказала ему по какому-то поводу непедагогическую фразу: «Викун, прошу тебя, никогда не будь благоразумным». Просьбу эту он запомнил на всю жизнь и в меру сил пытался выполнять.

Киевлянин Некрасов окончил архитектурный факультет и театральную студию, работал в архитектурных мастерских, актером, режиссером. Добровольцем ушел на фронт, был заместителем командира саперного батальона, участником Сталинградской битвы. Дважды был тяжело ранен. Демобилизовали по инвалидности в звании капитана.

Стал очень хорошим писателем — за повесть «В окопах Сталинграда» его сначала немало ругали, а потом вдруг — бах! — и Сталинская премия II-й степени в 1947 г. Книга стала примером честной военной литературы, так называемой «лейтенантской прозы». В мирной жизни у него тоже было место для «окопной правды» — отстаивания истины и ценностей, которые он считал правильными. А делать это часто было невероятно сложно. «Бог ты мой, как трудно быть русским писателем. Как трудно жить по совести...», — восклицал Некрасов.

Одно из ранних изданий повести «В окопах Сталинграда»

«Над Бабьим Яром памятников нет…»

Сентябрь 1941-го, Киев. По городу развешены объявления о «жидах города Киева», которые должны собраться 29 сентября в назначенном месте с документами, ценными вещами, теплой одеждой. Иначе — расстрел.

У мамы Некрасова было много друзей-евреев. Она ходила к ним и упрашивала никуда не ходить. Бежать, скрыться, хотя бы у нее. Друзья не послушали…

Документы говорят о более чем 30 тысячах убитых в Яру евреев за два дня.

В «Записках зеваки» Некрасов вспоминал, как в 19 лет впервые побрился в парикмахерской: «Брить было нечего, я очень волновался… что парикмахер сострит что-нибудь по поводу моего гладкого, как колено, подбородка, но он оказался деликатным и даже дважды намылил меня. В эту же парикмахерскую я зашел в 1944 году, вернувшись в Киев после ранения… но старого Давида уже не было, сохранилось только его зеркало с двумя амурчиками наверху. Я спросил парикмахершу о Давиде. Она грустно посмотрела на меня: «В Бабьем Яре…».

Редактор «Нового мира» Анна Берзер вспоминала, что «Бабий Яр стал частью жизни Некрасова — личной, общественной, гражданской и писательской».

А вот Советы постарались побыстрее о Бабьем Яре забыть — его переименовали в Сырецкий Яр, затем превратили в городскую свалку, позже поставили столбик с надписью «сваливать мусор строго воспрещается», но вскоре столбик уже валялся на земле, а кучи мусора росли.

«Свалка земли и мусора запрещена», Бабий Яр, 1950-е. Фото: Э.Диамант

В 1959-м в «Литературной газете» вышла статья Некрасова с простым и прямым вопросом: «Почему это не сделано?». «Стою над Бабьим Яром. Тишина. Пустота, — писал Некрасов. — По склону оврага, продираясь сквозь кусты, поднимаются старик и старуха. Что они здесь делают? У них погиб здесь сын. Они пришли к нему... У меня тоже погиб здесь друг...». Писатель недоумевал: почему в Бабьем Яре до сих пор не стоит памятник?!

Более того — в архитектурном управлении Киева сообщили, что Бабий Яр предполагается «замыть», т. е. засыпать смесью песка и глины, а на его месте разбить парк и стадион. «Возможно ли это? — поражался Некрасов. — Кому это могло прийти в голову… на месте величайшей трагедии резвиться и играть в футбол? Нет, этого допустить нельзя!» В сравнительно вегетарианские хрущевские времена такие критические выпады в адрес местной власти еще дозволялись.

Овраг протяженностью два с лишним километра засыпали, и на его месте появился громадный плоский пустырь, заросший бурьяном. Но весной 1961 г. прорвало дамбу, поток пульпы выплеснулся на Куреневку — только по официальным данным погибло 145 человек.

Потом построили более надежную дамбу. Рядом с пустырем вырос новый жилой массив, телецентр и спортивный комплекс.

Кости, торчащие из грунта в Бабьем Яре. Фото: Э.Диамант

Камень

Ежегодно 29 сентября собирались в Бабьем Яре группы евреев, разбрасывали цветы. Сентябрь 1966 г., 25-летие трагедии. В этот раз пришло не меньше тысячи человек. На митинге выступил Некрасов, возмущавшийся бездействием городских властей, которые до сих пор не поставили памятник жертвам, и выражал убежденность, что он будет воздвигнут.

Сильным было и выступление литературоведа Ивана Дзюбы: «Бабий Яр — это наша общая трагедия, трагедия, прежде всего, еврейского и украинского народов». Он с горечью говорил, что в определенной среде не искоренена взаимная неприязнь украинцев и евреев. (Вскоре Дзюбу обвинили в украинском буржуазном национализме, поставив в вину и эту речь на митинге, которую интерпретировали как призыв к... объединению сионистов с украинскими националистами).

Потом появилась милиция и разогнала участников. Несколько человек задержали, забрали венки с надписями на «неизвестном» языке. Коммуниста Некрасова (вступил в партию в разгар Сталинградской битвы) партийное начальство обвинило в организации нелегального сионистского сборища, подчеркнув, что как коммунист он не имеет права выступать с речами, не утвержденными райкомом. А писатель напоминал им, что ни райком, ни ЦК не вспомнили о расстрелянных 25 лет назад советских людях.

«Нелегальный» митинг в Бабьем Яре

Однако вскоре после митинга на месте расстрела поставили гранитный камень с надписью, что здесь будет сооружен памятник. Объявили конкурс, было представлено более 30 проектов. Но конкурсных плодов так и не последовало.

Лежал камень — на нем и возле него всегда были цветы. А еще 29 сентября у камня устанавливалась трибуна, и первый секретарь Шевченковского райкома сообщал с нее передовикам производства об успехах района. Выступавшие за ним передовики клеймили не только фашистских захватчиков, но и их... сионистских пособников. Как правило, присутствовал и один оратор «еврейской национальности», рассказывавший о зверствах сионистов в Израиле. «Думаю, даже Гитлер с Геббельсом не могли бы придумать подобное, — размышлял Некрасов. — На месте несуществующего Бабьего Яра соорудить памятник существующему неистребимому антисемитизму».

Памятник еврейской трагедии

При всей любви к словам «Никто не забыт, ничто не забыто» в Бабьем Яре власти упорно не хотели устанавливать мемориал. Помимо банального антисемитизма и нежелания как-то выделять евреев из общего ряда погибших, Некрасов заметил еще одно «препятствие»: «Кем-то где-то было сказано: «А почему памятник? Людям, которые добровольно пошли на смерть? Без сопротивления, без протеста...». Слово «евреи» никогда не произносилось, но подразумевалось.

«Но пусть мне расскажут, — резонно предлагал прошедший войну писатель, — как должны сопротивляться и протестовать старики, старухи и дети под дулом пулемета. Организовать подполье на пятикилометровом пути от Лукьяновского базара до Бабьего Яра? Не догадались, не подумали, что своей пассивностью лишают себя памятника».

В условиях объявленного конкурса было отмечено, что монумент должен отображать героизм советского народа в борьбе за победу идей коммунизма и т. д. Некрасов же полагал, что это должен быть памятник не героизму, а трагедии.

Советский мемориал, установленный в 1976 г.

В какой-то момент писатель даже подумал: возможно, камень — «это лучший из выходов». В одиноком этом камне, в его сиротливой скромности и безыскусности гораздо больше горести и трагизма, чем в какой-нибудь группе полуобнаженных атлетов со стиснутыми челюстями и сжатыми кулаками.

Когда в 1976 г., через 35 лет после трагедии, установили мемориал, писатель отмечал: «Не скажу, что он бездарный, в нем даже какая-то экспрессия есть, но к той трагедии он не имеет никакого отношения». Среди его фигур «мы не видим маленького еврейского мальчика, старого еврея, старую бабушку — нет их! Мускулы, мускулы, мускулы, и протесты, и ясное видение победы — и это-то в сентябре 1941 года...». Лишь в 1991-м в Бабьем Яре наконец-то появился памятник убитым евреям — Менора.

Старое кладбище

Однажды в конце 1950-х, гуляя, Виктор забрел на старое еврейское кладбище по соседству с Бабьим Яром и… онемел. Вокруг него были тысячи разбитых, исковерканных памятников, написанные на стенах антисемитские лозунги. Начало кощунству положили гитлеровцы, методично уничтожившие все памятники на главной аллее. Сотни две плит и обелисков. Но до боковых аллей они не добрались. Кто продолжил стихию разрушения? И какая сила ненависти могла толкнуть на это ужасное надругательство? «Нет, это не хулиганы, — понимал Некрасов. — Это планомерная работа сотни рук. С применением техники. Бульдозеров? Тракторов? Тола? И когда это происходило — ночью, днем?».

«Что все это может значить?» — задавался вопросом Некрасов и обращал внимание на то, что в каких-то 300-500 метрах от кладбища расположилась дача самого Хрущева, а после него — других первых секретарей ЦК КПУ. По тихой заросшей улице Герцена от дачи до кладбища — 5-10 минут неторопливой ходьбы…

Разрушенное еврейское кладбище в Бабьем Яре. Фото: Э.Диамант

Клеймили позором

И этого достойнейшего человека в СССР нещадно били. За свободомыслие, «низкопоклонство перед Западом», контакты с диссидентами, борьбу с антисемитизмом...

В 1963 г. Никита Хрущев подверг критике очерки о США «По обе стороны океана», выразив сомнение в уместности пребывания Некрасова в партии. Естественно, публициста стали клеймить позором и с трибун пониже, завели персональное партийное дело, вынесли строгий выговор, перестали печатать. После снятия Хрущева оказалось, что и в Америке можно кое-что похвалить, и вышла книга очерков. На какое-то время вновь открылся шлагбаум в литературу, но уже в 1969 г. опять закрылся. Второе персональное дело, второй строгий выговор. А в 1972-м — третье дело, без всякого уже повода — как говорится, «за старые грехи», и исключение из КПСС. Как записали в решении, «…за то, что позволил себе иметь собственное мнение, не совпадающее с линией партии».

А в январе 1974 г. девять человек в течение 42 часов (с перерывом на ночь) производили в некрасовской квартире обыск с целью «обнаружения литературы антисоветского и клеветнического содержания». Шесть дней подряд писателя вызывали на допрос в КГБ к следователю по особо важным делам. В 1974-м ему разрешили временно выехать из страны, больше в нее он уже не вернулся. Жил во Франции.

Виктор Некрасов в киевском кабинете, 1974

Детектор на антисемитизм

Бабий Яр писатель рассматривал в контексте глобального государственного антисемитизма в СССР. И, противостоя ему, затрагивал и другие проявления этой мерзости. За рубежом у него появилось для этого больше возможностей. Публиковался в газетах, вел передачи на Радио «Свобода».

Например, вспоминал борьбу с «безродными космополитами» — одно массовое зрелище в 1949 г. в Киеве, длившееся несколько дней. «К стыду своему должен признаться, что сидел я в президиуме...» (тогда Некрасов числился одним из многочисленных заместителей председателя Союза писателей Украины Александра Корнейчука). В переполненном зале царила вакханалия. Поднимавшиеся один за другим на трибуну писатели «с жаром и гневом обличали и развенчивали... потерявших совесть, позоривших звание, поднявших руку...». Опустившие голову разоблаченные пытались что-то доказать среди волны криков «Позор!». Хотели заставить покаяться и его друга, писателя Леонида Волынского. То, что это тот самый лейтенант, который обнаружил и спас ценности Дрезденской галереи, забыли, а о его настоящей фамилии Рабинович помнили и обозвали его с трибуны «вконец зарвавшимся пигмеем»! За то, что позволил себе сказать в статье о великом русском художнике Валентине Серове, что тот в салонных портретах отдал дань так называемому «модернизму». «Вы понимаете, что он себе позволил?! Позор! Ганьба!» Каяться Волынский наотрез отказался.

Пытались и Некрасова затащить на трибуну, чтобы он выразил свое отношение к «космополитам». Но Виктор отказался и... лишился должности зампреда. Не прошел проверку на антисемитизм. А те, кто с гневом клеймили «беспаспортных бродяг», остались в кабинетах, «смотрят на всех своими ясными глазами и с не меньшим упорством и умением разоблачают очередных прислужников империализма — воинствующих, безжалостных, жестоких сионистов».

Виктор Некрасов, 1940-е

Леонид Волынский

В 1977 г. писатель выступал в Сенате Франции, подчеркивая, что «в стране, занимающей одну шестую часть земного шара… до сих пор существует это страшное явление, против которого, как многим казалось, мы воевали во время войны… именуемое антисемитизмом».

С тревогой писал Некрасов в 1985-м в «Новом русском слове» о «перестроечном» антисемитизме. О травле Олега Ефремова за то, что во МХАТе «захватили власть люди определенной национальности, и они губят русское искусство». О том, как на мероприятии в Доме кино «встал Коля Бурляев, маленький бледный гном в костюме бутылочного цвета» и читал чьи-то стихи «о неких иноверцах, которые споили русского богатыря, о шинкарях, поработивших Россию». Никто и бровью не повел.

Слово «жид» с трибуны не произносят, но его вполне заменило слово «сионист». А генерал Драгунский и редактор еврейского журнала «Советиш геймланд» Арон Вергелис рассказывают, как хорошо живется евреям в Советском Союзе.

«Надоело быть нормальным»

Свое сражение с советским антисемитизмом Некрасов вел и в художественной прозе. Можно отметить замечательный рассказ «Персональное дело коммуниста Юфы», вышедший в 1976 г. в тель-авивском журнале «Время и мы».

Советский инженер НИИ, образцовый работник, без пяти минут пенсионер, фронтовик, коммунист Абрам Лазаревич Юфа решил уехать в Израиль. Ему надоело «читать в газетах письма Плисецкой и Натана Рыбака, смотреть в телевизор, как опускает глаза на пресс-конференции Аркадий Райкин, слушать выступления какого-то доцента Фридмана в Бабьем Яре о том, что кровь жертв Бабьего Яра на руках сионистов. Зачем ему все это? Его убеждают, что он живет в свободной стране, в самой свободной из всех — вот пусть ему и дают свободу выбирать… Думаю, правы те, кто считает меня ненормальным. Но очень уж надоело быть нормальным».

Тут и началось. Обсуждение на партсобрании. «За каких-нибудь жалких тридцать сребреников вы продали свою душу сионистским экстремистам, ползаете перед ними на коленях и выторговываете себе жалкий кусок каравая на чужом столе. Не место таким людям в рядах нашей партии!» Юфа удивлялся и огорчался не столько тому, что говорили, а темпераменту и горячности тех, от кого он меньше всего этого ожидал.

Андрей Сахаров, Виктор Некрасов, Лев Копелев, Елена Боннер, Москва, 1973

Затем два раза в неделю Юфа ходил в райком, где с ним «вели работу»: убеждали, запугивали, угрожали. Потом исключившее его из партии бюро райкома: «После него Абрам Лазаревич пришел разбитый, какой-то осунувшийся, сразу лег на диван». А за неделю до разрешения на выезд в Израиль Юфа умер.

«Только евреи были убиты за то, что они — евреи…»

В своей борьбе за отстаивание прав евреев Виктор Некрасов был бóльшим евреем, чем иные евреи. Помните у Высоцкого? «Но был один, который не стрелял…» Вот Некрасов и был таким одним из немногих советских, кто публично выступал с осуждением отношения к Бабьему Яру: «Здесь расстреляны люди разных национальностей, но только евреи были убиты за то, что они — евреи…». С осуждением советского государственного антисемитизма: «Самая страшная форма антисемитизма — это насаждаемая сверху… Гитлер ненавидел евреев, считал, что они основное зло… Кремлевские старики немногим больше любят евреев, но они ведь не фашисты, они самые прогрессивные!»

Ему было «тяжело, стыдно жить в такое время». Часто вспоминал строчки Галича:

Промолчи, промолчи,

промолчи!..

Вот как просто попасть

в первачи.

Вот как просто попасть

в палачи.

Могила Некрасова на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа

Мемориальная доска Виктору Некрасову, Киев, Крещатик, 15

Молчать Некрасов не мог… В мемориальном парке в израильском городе Бней-Аиш имя Виктора Некрасова украшает открытый в 2009 г. монумент выдающимся гуманистам, боровшимся против антисемитизма. Там оно рядом с именами Андрея Сахарова, Оскара Шиндлера, Владимира Короленко, Рауля Валленберга, Дмитрия Шостаковича, Эмиля Золя…

Помнят о выдающемся киевлянине и в Киеве. Есть мемориальная доска на Крещатике, на доме, где он жил. В июне этого года к 110-летию со дня рождения Виктора Платоновича в столице Украины открылась выставка «Киев Виктора Некрасова». Думаю, когда-нибудь и улица Некрасова в Киеве появится. И в Израиле тоже. Очень заслужил.

Александр Кумбарг, «Еврейская панорама»